

Известна формула Маяковского: "Хлебников — не поэт для потребителя. Его нельзя читать. Хлебников — поэт для производителя".

Немного непонятно. Немного механично. Будто это не о тонком и сложном, не о человеке, а об индустрии.

Выше и проще о нем было сказано: поэт для поэтов. По смыслу то же самое: не для всех людей, для избранных. Его объявляли как бы разработчиком художественных скважин для тех, кто придет после него и воспользуется добытым им.

Сам он охарактеризовал себя как младшего в семье пророков.

Если пророк — для всех? Или — ни для кого? Был ли он понят и оценен? В глаза его называли идиотом. Как Льва Николаевича Мышкина, героя Достоевского. И так же, как герой Достоевского, Велимир Хлебников не воспринимал это как оскорбление.

Он мало внимал окружающим. Постоянно погруженный в напряженную работу духа, повинувшись внутреннему голосу совести и личного озарения, он существовал вне быта и бытовых реакций.

В мемуарных текстах можно прочесть, что разговор с ним казался невыносим из-за полного отсутствия контакта. Он сидел или стоял, прямой и длинный, непрерывно шевеля губами и не слыша обращенных к нему вопросов.

"Закрытый, запечатанный, непрерывно ворочающий в уме ритмические строки", — написала о нем Надежда Мандельштам.

"Был он похож больше всего на длинноногую задумчивую птицу, с его привычкой стоять на одной ноге... с его внезапными отлетами... и улетами во времена будущего", — написал Николай Асеев.

Жители будущего — "будетляне". Такое наименование дал Хлебников себе и нескольким своим соратникам. Жители будущего нигде не живут и не привязаны ни к какому месту. Поэтому после того как был оставлен физико-математический факультет Казанского университета, также оставлены естественное отделение и историко-филологический факультет Петербургского университета, а странствования, сопровождаемые буквальной нищетой, сделались привычным образом жизни. В его описании: "Ездил на необузданных конях чужих конюшен". Впрочем, как знать, о быте ли это?

Актриса Ольга Глебова-Судейкина, одна из наиболее обворожительных женщин Петербурга, звала его к чаю, зная, что он беззаветно и восторженно влюблен в нее. Он приходил, одетый в поношенный сюртук, может быть, даже с чужого плеча, из коротких рукавов торчали длинные руки. Никогда не смеялся. Редко улыбался. Молча тянул горячий чай, поедая печенье, вкуса которого, возможно, и не чувствовал. Смотрел на

волшебное видение перед собой в светло-голубых летящих шелках, возможно, не видя и этого. Потом поднимался и уходил не прощаясь.

Он остался холостым, хотя в автобиографической заметке выразился о браке столь же странно, сколь и о многом другом: "Вступил в брачные узы со Смертью и, таким образом, женат".

Чистота и бескорыстие помыслов делали Хлебникова как будто недостижимым для бытового зла. Меж тем в реальности кольцо его сжималось.

Как-то Мандельштам встретил Хлебникова в Москве. Хлебников, изможденный, бессильный, признался, что ему нечего есть. Мандельштам в это время получал раз в месяц "паек второй категории": немного муки, крупы и сахара, кусочек масла и, как говорила жена Мандельштама, омерзительную свиную голову. Этой скудной пищей стали делиться с неприкаянным, бездомным другом.

Когда речь заходила о творчестве, все его бессилие и неприкаянность исчезали. Он делался властным, убежденным в собственной силе человеком.

Курил, пил крепкий чай, лихорадочно записывал. "Девий бог" писался в течение двенадцати часов, без перерыва и помарок. "Дети Выдры" — больше года. "Ка" — около недели, какие-то слова не мог перечесать, между ним и ними проскальзывала молния, и это вызывало боль. После боль прошла и никогда не возвращалась. Он писал свои произведения в стихах и прозе особым языком, который Валерий Брюсов окрестил словотворчеством, и так это и пошло. А он, Хлебников, умея одновременно вбирать в себя грани всего мира, краски всех языков, считал, что просто соединяет золотое чистое славянское начало, смуглое железно-медное азийское крыло и египетский серебряный звук.

"Читал свои вещи гениально-сумасшедшие". Так оценивали одни.

"Он, конечно же, был одаренным человеком. В его безумном, смещенном с осей бормотании, то детски наивном, то педантично ученом, проскакивают поразительно яркие и точные строки, а порой поэтический объем доходит до нескольких строф. И все же он не написал ни одного стихотворения и уже тем более ни одной поэмы. Всякий текст Хлебникова — это только заявка, образец, сообщение о возможности". Так оценивали другие.

Не обращая внимания на оценки, Хлебников искал волшебное средство свободно плавить слова, превращая одно в другое.

О, рассмейтесь, смехачи!
О, засмейтесь, смехачи!
Что смеяться смехами, что смеяньствуют смеяльно,
О, засмейтесь у смеяльно!..

Он объяснял свои "заумы": "Играя в куклы, ребенок может искренно заливаться слезами, когда его комок тряпок умирает, смертельно болен. Во время игры эти тряпочки — живые, настоящие люди, с сердцем и страстями. Отсюда понимание языка как игры в куклы: в ней из тряпочек звука сшиты куклы для всех вещей мира. Люди, говорящие на этом языке, участники этой игры".

Игре людей противостояло убийство людей. "Заботясь о смягчении нравов, я многого не успел сделать", — сожалел он. Все же кое-что успел. В частности — сказать о бесчеловечности военного убийства так, как никто до него не говорил: "Война, нарастая в звуке своей мощи, точно гудок встречного поезда, метала тузы лучших полков, распечатывала все новые и новые колоды людей".

Он сознавал, что "умеет угол великих событий, отделенных временем в несколько лет, видеть в маленьких чертежах сегодняшнего дня". Однажды, бродя по России, в селе Бур-макино Ярославской области выцарапал на березе обещание открыть законы времени. И согласно им предсказал крушение государства в 1917-м. Но ведь так и случилось!

То, о чем он говорил как о "внутреннем небе", было для него самым важным. А духовная нищета знаний об этом — самой яркой черной чертой. Он поставил два слова рядом: яркое и черное. И все высказывание заиграло, как черный бриллиант. Он заклинал художников будущего вести точные дневники своего духа: "смотреть на себя как на небо и вести точные записи восхода и захода звезд своего духа".

Тайна времени, движение истории, математические закономерности судеб, открываясь ему в моменты крайнего сосредоточения, которым, собственно, и была его жизнь, составляли существо его творений.

Слушайте!
Из меня
слепым Вием
время орену
Подымите,
подымите мне
веков веки!

Он с гордостью носил титул Председателя Земного Шара, как и титул гения. Об этом — в автобиографической заметке: "В 1913 году был назван великим гением современности, какое звание храню и по сие время". Вот только звание это ему дали в слишком узком дружеском кругу.

Кто-то из знакомых, будучи в Астрахани, навестил живших там родителей Хлебникова. Отец, Владимир Алексеевич, показался гостю до смешного похожим на сына. И, видимо, не только внешне. Поклонник Толстого и Дарвина, Владимир Алексеевич изучал жизнь птиц, во всем сильно отличаясь от соседей-мещан. Мать, Екатерина Николаевна, с беспокойством расспрашивала про своего Виктора, взявшего необычное имя Велимир. Было видно, как они страдают за сына, как огорчены, что у него нет широкого

признания. Оба глубоко понимали его, а его странности вовсе не казались им таковыми.

Подкормленный Мандельштамами, Хлебников недолго протянул. Надежда Мандельштам уже замечала, как неподвижны его лицо и шея, и видела в этом оковы приближающейся смерти. Государство, литературные организации не заметили беды, какая надвигалась на одного-единственного человека. Можно сказать, что и он не замечал организаций. Опыт столкновения с ними запечатлел в ироническом пассаже: "Участок — великая вещь! Это место свидания меня и государства".

Он прожил 37 лет.

Как горячо любимый им Пушкин.

Последним пристанищем Хлебникова оказалась деревня Санталово Новгородской губернии. Там был на этюдах художник Петр Митурич, муж его сестры Веры, тоже художницы. Хлебников и сам был прекрасный рисовальщик. И прекрасные рисовальщики, кто раньше, кто позже, обращались к его творчеству: Наталья Гончарова, Петр Филонов, Марк Шагал...

Он умер погожим летним днем 1922 года. Остались две записи Митурича. Одна: "Утром в 7—8 час. 27 июня на вопрос Федосии Челноковой: "трудно ли ему помирать?" ответил: "да" и вскоре потерял сознание... Дыхание и сердце постепенно ослабевало и в 9 ч. 28 июня прекратилось". Вторая: "Опущен в могилу 11/2 аршина глубиной на кладбище в Ручьях... в левом заднем углу у самой ограды между елью и сосной".

Митурич копал могилу вместе с местными мужиками. Он рассказал им, кем был Хлебников, какую жизнь прожил, после чего вместе выкурили на его могиле "трубку мира".

Хлебников верил: "Мы стоим у порога мира, когда будем знать день и час, когда мы родимся вновь, смотреть на смерть как на временное купание в волнах небытия. По мере того как обнажаются лучи судьбы, исчезает понятие народов и государств и остается единое человечество, все точки которого закономерно связаны. Пусть человек, отдохнув от станка, идет читать клинопись созвездий. Понять волю звезд — это значит развернуть перед глазами всех светоч истинной свободы".

Гениальное безумие или безумная гениальность?

Не стал ли он теперь истинно свободен? Не родился ли вновь из волн небытия для всех нас? Не растет ли материнское и отцовское — а может быть, детское — понимание его? Возникшее после смерти "Общество друзей В.Хлебникова" ширится. "Неизданный Хлебников" представлял собой около трех десятков выпусков. Изданный Хлебников — все в новых и новых томах — расходится мгновенно.

Ольга КУЧКИНА